

Романтик Андрей Федотов, который не любит модерн

Культура, 1998, - 16-22 апр. - с. 14-15

Бывшая звезда Большого театра мечтает танцевать в нем вновь

С 21 по 28 апреля в Большом театре впервые состоятся гастроли Национального балета Нанси и Лоррена (Франция). С 1991 года, после Патрика Дюпона, труппу возглавляет знаменитый хореограф Пьер Лакот, который существенно обогатил ее репертуар как современными, так и классическими спектаклями. Нынешний сезон для балетного коллектива — двадцатый. В связи с этим юбилеем супруга президента Франции Бернадетт Ширак пригласила труппу П.Лакота принять участие в Международном фестивале танца в Париже, а затем устроила прием для артистов в Елисейском дворце. Особенно лестные комплименты она высказала премьеру труппы Андрею Федотову, который в “Жизели” исполнял партию Альберта и имел триумфальный успех. Действительно, помимо технического совершенства, талантливый танцовщик показал исключительно яркий артистизм, поэтическую одухотворенность, великолепное чувство стиля. Творческая биография артиста началась в Москве. В 1981 году, после окончания хореографического училища, он был принят в труппу Большого театра, где быстро стал солистом, затем — премьером. А через десять лет благодаря поддержке Рудольфа Нуреева началась международная карьера А.Федотова: он выступает в лучших театрах Италии — Рим, Милан, Турин, Неаполь, Верона, — гастролирует в ряде стран с группой “Нуреев и его друзья”. Весной 1993 года Андрей Федотов по приглашению П.Лакота становится премьером Национального балета Нанси и Лоррена, в труппе которого выступает на престижных сценах Франции и всего мира. В первые три вечера в Большом театре (21—23 апреля) гости из Франции покажут балет “Сильфида” Ф. Тальони, режиссированный П.Лакотом, в котором А.Федотов исполнит партию Джеймса. В последующих программах он будет танцевать “Блудного сына” Дж.Баланчина.

В преддверии московских гастролей выдающийся танцовщик дал интервью нашему парижскому корреспонденту.

— Прежде всего примите искренние поздравления в связи с награждением вас французским орденом “Искусства и литературы”. Я помню, как эту награду в Париже вручали Г.Улановой, М.Плисецкой и Р.Нурееву. Теперь эту плетяду великих артистов России дополнили вы. Как вы восприняли столь высокую оценку вашего творчества?

— Для меня это была полная неожиданность. Я никак не мог себе представить, что стану кавалером столь престижного ордена. Конечно, я очень рад и горд тем, что мою работу отметили именно во Франции, где так ценят балет и где так много выдающихся танцовщиков. Я счастлив, что попал тем самым в

братство блистательных артистов России и Франции. Не знаю — вполне ли я заслужил такую честь?

— А какие почести вам оказала г-жа Б.Ширак?

— Она пригласила всю труппу “Балета Нанси” в Елисейский дворец, устроила большой прием и выразила свое восхищение нашим искусством. Возглавляя Парижский балетный фестиваль, г-жа Ширак прилагает много усилий для развития искусства танца во Франции, считая его уникальным средством сближения людей всего мира. Она искренне поздравила труппу с юбилеем и была очень довольна моими артистическими успехами. Я был глубоко тронут ее комплиментами.

— С восторгом мне говорила о вас легендарная балерина Ивет Шовире. Прочитую только одну ее фразу: “Андрей Федотов — достойный ученик славной русской школы и уникальный наследник элитности Рудольфа Нуреева”. Кто были ваши учителя?

— У меня были замечательные учителя: в училище — А.Прокофьев, затем Л.Жданов; в Большом театре — А.Мессерер; в Италии — Р.Нуреев. После такой школы нельзя плохо танцевать. Мне очень повезло, что я занимался с артистами, которые прославили танец и вошли в его историю. От Жданова я воспринял свободу рук и красоту движения кисти. Мессерер отшлифовал мои прыжки

и пируэты. Когда я познакомился с Рудольфом, он мне сказал: “Если хочешь хорошо танцевать, смотри, как я это делаю, и учись”.

— Как состоялась ваша первая встреча с Рудольфом?

— Я приехал в Италию и, попросту говоря, нуждался в работе. В то время в Ла Скала искали артиста на главную партию для премьеры “Лебединого озера” в постановке Р.Нуреева. В Милане был Б.Акимов, педагог Большого театра. Я встретился с ним и сказал, что хочу себя попробовать в Ла Скала. Акимов одобрил эту идею и устроил встречу с директором театра. Около двух часов тот смотрел, как я танцую, и наконец сказал, что может взять меня на партию

Зигфрида, но если я заручусь согласием Рудольфа.

Нуреев в то время был на съемках в Риме. Поэтому из Милана я отправился в столицу, позвонил ему и откровенно сказал, что хочу танцевать в его спектакле. Рудольф удивился такому смелому заявлению и ответил: “Вас нужно посмотреть. Приезжайте вечером в съемочный павильон студии и покажите, что вы умеете делать”. После того как я продемонстрировал свое мастерство, он предложил мне танцевать па де труа. Но меня это не устраивало: мне нужна была только главная роль. Рудольф мне ничего не сказал, и мы поехали ужинать. На следующий день я спросил его, что же мне теперь делать. Ответ был такой: “Поезжай в Милан и танцуй Принца. Я уже обо всем договорился”. С “Лебединого озера” Нуреева началась моя карьера на Западе.

— Как дальше складывались ваши отношения с Нуреевым?

— В Ла Скала я работал больше года. После “Лебединого” танцевал в нуреевских постановках “Щелкунчика” и “Спящей красавицы”. Потом он пригласил меня в большое турне с группой “Нуреев и друзья”. За четыре года мы объездили весь мир — Америку, Европу, Австралию. В этот период Рудольф часто занимался со мной и постоянно контролировал мой танец. Я многому научился у него и артистически очень вырос.

— В Нанси вы работаете пятый сезон. Какой сейчас у вас репертуар?

— Наш главный спектакль — “Жизель”. Гордостью труппы являются постановки М.Фокина и В.Нижинского, М.Петипа, работы А.Сен-Леона и Л.Стаа-са. В нашем репертуаре много произведений современных хореографов — И.Килиана, А.Прельжокажа, Р.Уэрлока, И.Уотинена, Н.Шриста, Н.Шмуки, М.Фонтурна... — Какие балеты вы относите к числу самых любимых?

— Прежде всего это “Сильфида” и “Марко Спада”. Особенно последний, который П.Лакот поставил в 1981 году для Римской Оперы. В образ Марко я привнес много личного, поэтому эта партия мне особенно дорога. Очень люблю балет А.Гадеса “Кровавая свадьба”. Это чрезвычайно драматичный и напряженный спектакль. Правда, мы там “стучим” фламенко не так хорошо, как нас учил сам Антонио, когда работал с нами. И я влюблен в постановки Дж.Баланчина “Блудный сын” и “Аполлон Мусaget”.

— Что же для вас главное — классика или современный танец?

— Мне больше нравятся романтические спектакли. Их сложнее исполнять, потому что это мир возвышенных грез, мир ирреальный. В романтическом балете нужны поэзия, душа, что дано далеко не каждому. Я вижу много спектаклей и считаю, что лучшее в мире танца — это классика, хотя модерн сейчас в большой моде. Мне кажется, что классику лучше воспринимает публика, более подготовленная. А так как в наш бурный век у людей нет времени на глубокие переживания и раздумья, то многие предпочитают модерн, который интересен лишь своей внешней формой.

В годы моей работы в кордебалете Большого театра мне довелось танцевать в постановках Ю.Григорovichа. Его “Спартак”, “Иван Грозный”, “Легенда о люб-

ви” — очень сильные, динамичные спектакли с яркими персонажами. Их создавали наши замечательные артисты, большие мастера — В.Васильев, М.Лавровский, Ю.Владимиров. Я счастлив, что работал вместе с ними. Сейчас, когда я танцую в Нанси, в моей памяти всегда есть кто-то из той плеяды, кто является для меня творческим ориентиром. Я часто обращаюсь к тому ценному опыту, который мне дали Большой театр и Юрий Николаевич Григорovich.

— Кто из хореографов ваш давний гений?

— Август Бурнонвиль. У меня даже была идея поехать в Данию, чтобы танцевать в его спектаклях. Как-то в Нью-Йорке я был на ужине у Рудольфа Нуреева. Среди его гостей была дама, которая задала такой же вопрос. Услышав мой ответ, Рудольф сказал: “В Данию надо ехать не танцевать, а учиться”.

Мне повезло — я много танцевал в постановках Бурнонвиля, со мной работал И.Андерсен. Когда он в Японии ставил “Сильфида” Бурнонвиля, куда я был приглашен на партию Джеймса, этот требовательный артист помог мне освоить филигранный стиль Бурнонвиля.

— А с кем из современных хореографов хотелось бы вам поработать?

— С Морисом Бежаром и Уильямом Форсайтом. Но я готов работать со всеми: мне все интересно. Каждая встреча всегда что-то дает и творчески обогащает.

— Балет Дж.Баланчина “Блудный сын” я видел с М.Барышниковым, затем с Ш.Жюдом, мастерами высочайшего класса. И тем не менее ваше исполнение роли Сына меня потрясло глубиной проникновением во внут-

ренний мир героя, той огромной искренностью, с которой вы “рисуете” его портрет. Танцевальный спектакль вы обратили в религиозную исповедь, общечеловеческое покаяние. Подобное, мне кажется, не удавалось никому и никогда. Где корни того языка, той в чем-то новой хореографической лексики, эстетики и даже философии, которые вы предлагаете?

— В моей творческой биографии этот балет занимает особое место. Его суть для всех нас — проба на зрелость. Мы все до одного — блудные дети, и каждый должен вернуться туда, откуда вышел. Я знаю, что очень трудно себя преодолеть и прийти к своим истокам, это дано не каждому. Мне посчастливилось получить такую возможность на сцене. Поэтому я себя полностью отдаю нравственному очищению, стараюсь вырваться из давящего нас мира чистогана, зависти и злобы.

Я счастлив, что мне дали возможность танцевать в столь глубоко драматическом произведении. В финале балета я возвращаюсь к отцу, что очень символично. Во Франции я ведь тоже живу без моих родителей и, конечно, по ним скучаю. Но спектакль позволяет мне подняться значительно выше в философском осмыслении бытия и сущности человека. Сын возвращается не к своему родному отцу, а к всеобщему небесному Отцу — нашему Создателю.

— Как шла работа над “Блудным сыном”?

— Я никогда раньше не видел этого балета, но много о нем слышал и всегда хотел в нем танцевать. К нам в Нанси приехала Патрисия Нери, в прошлом звезда “Нью-Йорк сити балле”, которая теперь ставит произведения

Дж.Баланчина в разных странах. Она ни разу нам не показала видеозаписи балета с участием М.Барышникова, сказав, что она была сделана специально для телевидения, в ней есть неточные ракурсы и даже несколько иная хореография. Может быть, даже было хорошо, что я не видел эту запись. Поэтому мне удалось дать свою трактовку, выразить собственное мировоззрение в столь сложной роли Сына. Теперь, когда эта работа уже позади, мне все-таки очень хочется посмотреть “Блудного сына” в исполнении М.Барышникова, Р.Нуреева и Ш.Жюда. Интересно увидеть, как сегодня его интерпретируют в труппе “Нью-Йорк сити балле”, которая бережно хранит наследие великого хореографа Дж.Баланчина.

— В “Жизели” после внезапной смерти возлюбленной Альберт — Федотов предстает перед публикой как фигура глубоко трагичная. Этой своей трагедийностью, безумным отчаянием, которое переживает ваш герой, вы буквально заволаживаете зал. Как возник такой психологический острый рисунок финала?

— Мне довелось участвовать во многих редакциях “Жизели”, и почти все финалы в первом акте были разными. Мне же всегда хотелось здесь выразить больше горя и отчаяния, чем это было предусмотрено хореографами. Наконец, когда П.Лакот впервые дал мне роль Альберта и я предложил ему свой вариант этой важной сцены, он сразу же согласился. Теперь я танцую партию так, что, когда Жизель умирает, Альберт от страшного гора почти теряет рассудок. Ведь он безумно любил Жизель. Мне кажется, что такой финал более убедителен.

— В одной из рецензий в га-

Сверху вниз: В балете “Марко Спада”; В балете “Кровавая свадьба” (с Анной Сальмон)

зете “Фигаро” балетный обозреватель Р.Сирвен написал: “Андрей Федотов — элегантный танцовщик редкостного вдохновения”. Что является источником вашего вдохновения?

— Зритель. Парижская публика очень профессиональна. Она видит десятки танцевальных программ; здесь выступают знаменитые труппы, постоянно

идут премьеры. Париж — балетная столица мира. Для артиста жить и работать здесь — сильный импульс, но и большая ответственность.

Музы-партнерши мне тоже дарят вдохновение. Например, в “Жизели” с Моник Лудьер — звездой Парижской Оперы — нельзя быть просто ее партнером. Эта уникальная романтическая балерина настолько поэтична и свет-

ла, что, когда Жизель умирает, я готов тут же умереть рядом с ней. Моник наполняет таким вдохновением, энергией и эмоциями, что, опьяненный ими, я мог бы танцевать вечно.

— Вы являетесь премьером знаменитой французской труппы и танцуете все главные партии в больших спектаклях. На чем основывается и как развивается ваше исполнительское мастерство?

— Конечно, основано оно на нашей русской школе. Французская же школа отличается от русской, хотя принципиальной разницы я не вижу. На меня лично очень сильно повлияло общение с Р.Нуреевым. Репетируя со мной свои спектакли, Рудольф привил мне свой мягкий, элегантный стиль. Но самым главным стимулом для творческого совершенства артиста являются спектакли. Нужно много танцевать, иметь обширный репертуар, участвовать в постановках разных хореографов. Благодаря этому развивается личность танцовщика, возрастает его артистический потенциал.

— У вас огромный успех во Франции, здесь вам оказывают высокие почести. Наверное, сбылись некоторые ваши мечты. А о чем вы мечтаете сегодня?

— Мечтаю танцевать в Москве, в Большом театре. Конечно, замечательно выступить там с Балетом Нанси. Но мне очень хотелось бы приехать в Москву одному, чтобы станцевать в спектакле Большого театра. Ведь это мой родной театр, я работал в нем 10 лет. Вернуться и выступить в любом балете Большого — моя самая заветная мечта.

Виктор ИГНАТОВ
Париж